

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

В.П. Санчилов

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВАНИИ СОБЫТИЙ, ОПИСАННЫХ В «ПОВЕСТИ О МОНГОЛЬСКОМ УБАШИ-ХУНТАЙДЖИ»

Одно из немногочисленных сохранившихся до нашего времени произведений средневековой ойратской литературы «Дөрвн өөрд монһлыг дарсн тууж оршв» («Повесть о том, как дурбэн-ойраты нанесли поражение монголам») хорошо известно в научной литературе с середины XIX в. под названием «Моңһлын Увш-хун-тээжин тууж оршв» («Повесть о монгольском Убаши-хунтайджи»). Наиболее полное представление об этом произведении заинтересованный читатель может получить, ознакомившись с работами современного калмыцкого ученого А.В. Бадмаева [Бадмаев 1967, 1975, 1981, 2003]. Он же издал текст «Повести» на современном калмыцком языке в составленной им антологии дореволюционной калмыцкой литературы [Сарин герл 1991]. В данной статье автором этих строк использован именно этот оригинальный текст «Повести» и ее русский перевод, принадлежащий перу академика С.А. Козина [Козин 1947].

Рассматриваемая нами «Повесть» представляет собой ойратскую историческую песнь о том, как ойраты одержали победу над монгольским князем Убаши-хунтайджи. Она является не только замечательным литературным произведением, но и ценным историческим источником. Будучи создана в первой половине XVII в. по горячим следам описанных в ней событий, она была, видимо, сначала записана на монголо-уйгурской письменности, а затем, после создания Зая-пандитой «ясного письма» («тодо бичиг»), переложена на зая-пандитскую письменность. В основе сюжета «Повести», как можно видеть, лежит подлинный эпизод одной из

многочисленных ойрато-монгольских войн второй половины XVI-XVII вв., описанный в реалистической манере с элементами свойственной произведениям устного народного творчества гиперболизации. Неизвестный автор «Повести» рассказывает в своем произведении о реальных исторических личностях - монгольском Шолой-Убаши-хунтайджи и ойратских правителях Эсэльбэйн Сайн-Ка, Сайн-Тэбэнэ, Сайн-Сэрдэнгкэ, Байбагасе, Хара-Хуле, чьи имена известны из других исторических источников. Это обстоятельство позволяет более или менее точно датировать события, описанные в «Повести».

В самой же «Повести» сказано, что все описанное в ней произошло в «год огня-свиньи» («тернь һал хаха жил билэ гидг») [Козин 1947: 158], то есть в 1587 году европейского летоисчисления. Однако эта дата с самого начала вызывала сомнение у некоторых исследователей. Так, например, уже первый издатель ойратского текста «Повести», русского перевода и комментария к ней бурятский лама Галсан Гомбоев в середине XIX в. пронизательно отметил: «1587 год? Странно, что столь замечательное историческое событие не упомянуто ни в каких других сочинениях. Исследователям останется труд приурочить это событие и согласить упоминаемые здесь личные имена с именами уже известными по истории» [Алтан Тобчи 1858: 224].

В дальнейшем вслед за Г. Гомбоевым сомнение в указанной дате выражали известные историки Монгольской Народной Республики Х. Пэрлээ и Д. Гонгор. В специально написанной по этому поводу статье [Пэрлээ: 94-101] Х. Пэрлээ, тщательно изучив все доступные ему в то время монгольские и калмыцкие источники, попытался «точно установить, является ли «Повесть об Убаши-хунтайджи» историей войны, происходившей в определенном году, или нет» [Пэрлээ: 94]. С этой целью он рассмотрел биографические данные (прежде всего даты рождения и смерти) исторических личностей, чьи имена упоминаются в «Повести». Проведенное исследование позволило ему прийти к следующему выводу: «Хотя ... 1587 год кажется вполне конкретной исторической датой, но из данных приведенных ниже биографий видно, что историческая дата «Повести» вызывает сомнение в таком ее конкретном привязывании» [Пэрлээ: 197].

Д.Гонгор в своем фундаментальном историческом исследовании, посвященном истории средневековой Халхи, отвел несколько страниц жизни и деятельности монгольского князя Шолой-Убаши-хунтайджи [Гонгор 1970: 196-200]. Кроме монгольских и ойратских источников он использовал русские архивные документы и труды русских и советских ученых Н.Я. Бичурина, Ю. Лыткина, Г.Е. Грумм-Гржимайло, И.Я. Златкина, Н.П. Шастиной и др. Знакомство с ними позволило монгольскому ученому выявить явное противоречие между датой, указанной в «Повести», и реальными историческими фактами. Он писал: «Хотя в историко-литературном произведении «Повесть о монгольском Убаши-хунтайджи» рассказывается о том, что тот погиб в году огня-свиньи, т.е. в 1587 г., однако посол русского царя Василий Тюменец утверждает, что он лично встречался с Шолой-Убаши и это был пожилой мужчина шестидесяти лет. Отсюда видно, что предыдущий факт явно не соответствует действительности» [Гонгор 1970].

Тем не менее, начиная с Юрия Лыткина, большинство исследователей не подвергало сомнению дату 1587 год. Юрий Лыткин, известный своими переводами ойратских и калмыцких сочинений на русский язык и собственными работами по истории ойратов и калмыков, считал 1587 г. поворотным пунктом истории ойратов. «С этого времени, - писал он, - ойраты устремили все внимание на восстановление и утверждение своей славы и своей силы: 1587 год есть год, с которого начинается их известность, их новые стремления, новая жизнь» [Лыткин 1969].

То обстоятельство, что в работах историков, изучавших средневековую историю ойратов, монголо-ойратская война, описанная в «Повести», датировалась 1587 годом, приводило к преувеличению значения этой даты и, соответственно, к неверному истолкованию происходивших в Монголии событий. Между тем за прошедшие с момента опубликования «Повести» 150 лет наши знания о прошлом значительно обогатились в результате введения в научный оборот новых источников и накопления новых фактов. Это позволяет уточнить прежние оценки и пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на хорошо известные исторические события. Японская монголистка Джунко Мияваки, сопоставив

данные из опубликованных русских архивных документов XVII в. с сообщениями восточных источников, пришла к выводу, что события, описанные в «Повести», произошли на самом деле не в 1587 г., а в 1623 г. [Miyawaki 1985]. По ее мнению, в тексте «Повести» ошибочно указан «год огня-свиньи», тогда как в действительности это мог быть только «год железа-свиньи», то есть 1623 г. Можно согласиться с ее мнением. Действующие лица «Повести» и вся политическая обстановка характерны именно для этого времени.

Рассмотрим некоторые факты, свидетельствующие в пользу 1623 г. В тексте «Повести» упоминается мирный договор, заключенный между монгольским Сайн-Лайхурханом и ойратами в местности Шара Хулсун в устье р. Эмэль.

«Некогда, после битвы на Эмэлийн-адаг-шара-хулусуне,
Перед разъездом по домам, мирный договор
Заклучили монгольский Сайн-Лахар-хан
И дёрбён-ойратские сайды и нойоны.
И клялись они друг другу:
Погибель падет на голову тех,
Кто посмеет когда-либо пленного «языка»
После допроса убить» [Козин 1947: 99; Сарин герл 1991:

153].

Что нам известно об этом договоре? На протяжении всей второй половины XVI в. продолжались военные конфликты между ойратскими и восточномонгольскими феодалами. Их цели сводились главным образом к захвату пастбищ и скота, а также угону крепостных людей, принадлежавших правителям соседних феодальных владений. В этих локальных войнах ойратские правители стали терпеть поражения, поэтому восточномонгольские ханы и князья не оставляли надежды полностью подчинить своей власти ойратов. Лишившись своих кочевий в Хангайских горах, богатых пастбищами, и в долине р. Селенги, ойраты были вынуждены отойти на свою старую родину на северо-западе Монголии.

Таким образом территория к западу от Каракорума в центральной части современной Монголии оказалась отвоевана у ойратов халха-монголами [Okada 1972: 73]. Из монгольской летописи «Асарагчи нэрэту-йин түүхэ» можно

узнать, что халхаский правитель Абатай (1554-1586), внук Гэрэсэндзэ и родоначальник владетельных князей Халхи - Түшэту-ханов, «в возрасте с 14 лет (с 1567 г. - В.С.) до 27 лет (до 1580 г. - В.С.) постоянно воевал и привел под свою власть враждебных чужеродцев» [Kämpfe1983: 20; Okada 1972: 73]. Под «враждебными чужеродцами» (харь дайсун) здесь, вне всякого сомнения, имеются в виду именно ойраты, с которыми Абатай вел войны, «чтобы отомстить за старые обиды».

После смерти Абатая в 1586 г. управление Северной Монголией (Халхой) перешло к сыну одного из его двоюродных братьев, который, родившись в 1562 г., был правителем Правого крыла Халхи и, приняв ханский титул, стал править страной под именем Сайн-Лайхур-хан. Он явился основателем династии еще одной ветви владетельных князей Халхи - Дзасагту-ханов, владения которых на западе граничили с кочевьями ойратов. О нем мало что известно, кроме того, что ему также пришлось долго воевать с ойратами, пока он не одержал решающей победы над ними. Как сообщает японский исследователь Хидехиро Окада, «Лайхур-хан ... возглавил теперь нападения халхасцев на ойратов, которые завершились мирным договором 1606 г., предусматривавшим подчинение ойратов и уплату ими дани дому Дзасагту-ханов» [Okada 1972: 78].

Итак, договор, который упоминается в «Повести», был заключен в 1606 г. Хотя в ней ничего не сказано о том, что ойратам не удалось отстоять свою независимость от восточных монголов, но мы находим подтверждения этого факта в книге автора XVIII века П.С. Палласа, который писал: «В детские годы Харахуллы (речь идет о джунгарском правителе Хара-Хуле. - В.С.) и, следовательно, приблизительно в начале XVII века объединенные ойратские народы (die vereinigten Oerötischen Völker), наследственные князья которых все были несовершеннолетними и над которыми монголы все еще пытались удержать свое прежнее господство, вновь были настолько несчастливы в различных войнах с Лайхер-ханом (Лайхур-ханом. - В.С.), что они вынуждены были признать его верховную власть на собой и частично платить ему дань» [Pallas 1776: 36].

Известно, что в заключении мира между ойратами и монголами после этой большой междуусобной войны

решающую роль в качестве миротворца сыграл хошутский князь Төрүбайху (1582-1654), младший брат Байбагаса. За это он от одного из первых ламаистских иерархов Монголии получил почетный титул Дай-Гууши (буквально «великий наставник») [Okada 1972: 78] и вошел в историю под именем Гууши-хана.

В результате военных поражений кочевья ойратов на реках Хунгуй и Дзабхан перешли к восточным монголам, и ойраты в значительной своей части оказались вытеснены за пределы Монголии и откочевали на запад, за линию Алтайских гор (Монгольского Алтая). В самой Монголии остались только те ойратские улусы, которые потеряли независимый статус и вошли в состав государства Алтын-ханов. Однако границы отдельных ойратских владений не были постоянными, они быстро изменялись в связи с изменениями политической обстановки. Ойратские улусы дэрбэтов и торгутов, откочевавшие на запад, сделались постоянными обитателями Западной Сибири, поэтому Лайхурхану не удалось подчинить их своей власти. После заключения мира с ойратами он, по-видимому, вынужден был поставить управлять оставшимися в Монголии ойратскими улусами в качестве наместника своего двоюродного брата Шолой-Убаши-хунтайджи (1567-1623).

Установлено, что действующий в «Повести» монгольский Убаши-хунтайджи есть никто иной, как этот самый халхаский князь Шолой-Убаши-хунтайджи, первый из династии Алтын-ханов и основатель кочевого государства в самом крайнем северо-западном углу Халхи. Это был крупный и влиятельный монгольский феодал, присвоивший себе громкий титул Алтын-хана (т.е. Золотого хана), хотя в действительности он имел младший по отношению к хану титул хунтайджи (наместника). Он родился в 1567 г. и умер, как предполагали, в конце 20-х гг. XVII века. Если согласиться с тем, что события, описанные в «Повести», произошли в 1623 г., то можно считать точно установленной дату гибели этого монгольского князя, которого в исторической литературе называют иногда «хотогойтским» князем.

Княжество Алтын-ханов, игравшее в течение примерно трех четвертей XVII века заметную роль в истории Южной

Сибири [Шастина 1949: 383-395; Шастина 1958; История Тувы 1964; Златкин 1964], возникло только в 90-х гг. XVI века в процессе феодального дробления в Монголии. Первоначально оно являлось одним из отоков владения Дзасагту-ханов. Основную массу его населения составляли хотогойты и урянхайцы, как именовались тогда предки современных тувинцев. Что же касается хотогойтов, то, как указывал акад. Б.Я. Владимирцов, это племя сначала относилось к ойратам, но затем халхаизировалось и вошло в состав халха-монголов [Владимирцов 1931]. Монголоязычные хотогойты, будучи неоднородными по своему этническому составу, являлись, вероятно, родоплеменным подразделением хойтов [Гонгор 1970: 198]. В конце XVI в. в результате поражения ойратов в междоусобных войнах с восточными монголами они оказались поделены между халха-монголами и ойратами. В рассматриваемой нами «Повести» хотогойты также упоминаются как подданные джунгарского правителя Хара-Хулы, который назван там «зюнгар-хотогойтским» нойоном («зүнһар хотһат Хар-Хул») [Козин 1947: 98].

Держава Алтын-ханов во времена своего могущества занимала обширную территорию в северо-западном углу Халхи между озерами Убсу-Нур и Хубсугул [Шастина 1949]. На западе она соприкасалась с кочевьями ойратов, с которыми Алтын-ханам пришлось вести непрерывную борьбу. За пределами своей державы ее первому правителю удалось подчинить ряд мелких племенных групп и народностей Южной Сибири. С них его отряды собирали ясак (дань). Он предъявлял свои владельческие права и на ойратов, стремясь превратить их в своих данников - кыштымов. Это слово русские казаки переводили тогда понятным им термином «холопи». С начала XVII в. Алтын-хан Шолой-Убаши-хунтайджи стал организатором всех военных компаний халха-монголов против ойратов. Однако ему все же не удалось полностью подчинить своей власти все ойратские этно-политические объединения. Правители дэрбэтов и торгутов, откочевав со своими улусами в Западную Сибирь, образовали здесь северо-западную группировку ойратов и оказали ему ожесточенное сопротивление. Они должны были постоянно находиться, говоря языком русских источников, «в страхованье» от Алтын-хана.

Ставка Алтын-хана располагалась на берегу озера Убсу-Нур или в долине реки Тес, где ее посещали посланцы сибирских воевод. В расспросных речах атамана Тарского города Василия Тюменца, ездившего осенью 1616 г. с дипломатической миссией к Алтын-хану, сохранилось описание внешности этого монгольского правителя («А сам царь лет в 60, бороду бреет, только ус, волосом черн, ростом дороден и плечист, и собою во всем пригож») [Русско-монгольские отношения 1959: 64]. Следовательно, Шолой-Убаши-хунтайджи был еще жив и здоров в 1616 г. Его возраст, указанный В. Тюменцом, вполне согласуется с сообщением монгольского источника о том, что он родился в «год огня-зайца», т.е. в 1567 г. [Шара Туджи 1957: 113, 165].

В рассматриваемое время этот крупный монгольский феодал находился на вершине своего могущества. Основная часть ойратов во главе с князьями, входившими в юго-восточную группировку, вынуждена была признать над собой его власть и платить ему дань. Основываясь на тексте «Повести», Дж. Мияваки полагает даже, что Шолой-Убаши-хунтайджи был тогда ойратским ханом [Miyawaki 1985: 616]. Подчиненное положение ойратских правителей, остававшихся в Западной Монголии, подтверждают и русские источники. После встречи с его посланцами, побывавшими с ответным визитом в Москве в 1616 г., боярин Посольского приказа Ф.И. Шереметьев следующим образом ответил английскому неготианту Джону Меррику, расспрашивавшего его о государстве Алтын-хана: «Алтын-хан кочует за Сибирским государством, от Сибирского последнего от Томского города до Алтына царя ходу осмнадцать недель через калмыки да через киргизы и иные земли, которые Алтыну царю дань дают» [Шастина 1958: 27].

Годом раньше, в 1616 г. «служили люди» Томила Петров и Иван Куницын ездили с дипломатической миссией в ставку правителя крупной ойратской группировки дэрбэтского тайши Далай-Батыра. Здесь они застали послов Алтын-хана, которые якобы прибыли в ойратские улусы для сбора ясака. В беседе с последними они узнали, что Алтын-хан «колматцким людем ...силен», то есть подчинил своей власти ойратов и собирает с них дань («емлют с колмаков китайской царь и Алтын-хан ясак по 200 верблюдов да по 1000 лошадей и овец на год со

всякого тайша, с лутчих тайшей, опричь мелких тайшей» [Русско-монгольские отношения 1959: 53]. Эти сведения об уплате дани ойратами скорее всего относились не к группировке Далай-Батыра, а к правителям юго-восточной коалиции ойратских правителей, которые перечислены в «Повести». Судя по сообщениям русских источников, эти правители, потерпев несколько поражений от восточных монголов, действительно вынуждены были какое-то время платить дань Алтын-хану.

Такое унижительное для них положение не могло долго продолжаться. Угроза полной потери ими самостоятельности и превращения ойратов в постоянных данников монгольского хана, а также борьба с халха-монголами за обладание пастбищными территориями в Западной Монголии заставили ойратских князей юго-восточной группировки сплотиться и начать координировать свои действия перед лицом общей опасности. В конце концов они объединились и выступили единым фронтом против Алтын-хана, продемонстрировав свое ойратское единство. Это единство нашло выражение в «Повести» в знаменитой формуле: «Дурбэн-ойраты стоят сомкнутым строем в форме четырехугольника подобно иглам ежа и зубьям пилы» (Дөрвн өөрд заран үсн кэрэн шүдн болж дөрвлжн теглцг бээдг») [Русско-монгольские отношения 1959: 53].

Кульминационным моментом военного противостояния ойратов монголам явились описанные в «Повести» события 1623 г. Как установила Дж. Мияваки, «господство халха-монголов продолжалось до 1623 г., когда объединенные войска дурбэн-ойратов сражались и убили халха-монгольского Убаши-хунтайджи или Алтына-царя, как он называется в русских источниках, и таким образом вернули себе свою независимость» [Miyawaki 1991: 207]. Примечательно, что среди ойратских князей-участников монголо-ойратской войны 1623 г. не упоминаются дэрбэтский Далай-Батыр и торгутский Хо-Урлюк. Это объясняется тем обстоятельством, что они вместе со своими улусами с начала XVII в. обосновались в Западной Сибири, принеся шерти на подданство русскому царю. Судя по всему, они не участвовали в этой войне, так как сибирские ойраты - калмыки, опираясь на авторитет и защиту Русского государства, смогли сохранить свою независимость от Алтын-хана.

Еще одним подтверждением справедливости датирования событий, нашедших отражение в «Повести», 1623 годом является возраст фигурирующих в ней ойратских правителей. При этом следует принять во внимание то, что «наследственные князья ойратов», по выражению П.С. Палласа, были несовершеннолетними в начале XVII в., а их активная деятельность пришлась на второе и третье десятилетия того же века. Так, например, хотя мы не знаем, в каком году родился джунгарский тайша Хара-Хула, но из русских источников нам совершенно точно известно, что он умер в 1634 г. [Златкин 1964]. Поэтому он едва ли мог бы участвовать в событиях, происходивших в 1587 г.

Приведенные выше факты позволяют отнести описанную в «Повести о монгольском Убаши-хунтайджи» монголо-ойратскую войну именно к 1623 г., когда погиб Алтын-хан Шолой-Убаши-хунтайджи, и ойраты окончательно освободились от зависимости от восточных монголов.

Литература

1. Алтан Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами. Перевод Галсана Гомбоева // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. Ч. 6. СПб., 1858.

2. См.: Бадмаев А.В. Две версии одного памятника ойратско-калмыцкой литературы // Вестник КалмНИИЯЛИ. Вып. 2. Ч. 2. Элиста, 1967. С. 105-112.

3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1931. С. 132. См. также: Чулуун С. Некоторые вопросы этнической истории хотогойтов // Алтаика IX. М. 2004. С. 188-201.

4. Возникновение ойратской литературы // История калмыцкой литературы. Т. I. Дооктябрьский период. Элиста, 1981.

5. Гонгор Д. Халх Товчоон. Халх монголчуудын өвөг дээдэс ба Халхын хаант улс (VIII-XVII зуун). I боть. УБ., 1970. С. 196-200.

6. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1964.

7. История Тувы. Т.1. М., 1964.

8. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1975.

9. Козин С.А. Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши хунтайджи в 1587 г. // Советское востоковедение. Т. IV. М.-Л., 1947. С. 91-104.

10. Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Пер. с калм. / Редактор-составитель А.В. Бадмаев, Элиста, 2003.

11. Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.

12. Пэрлээ Х. Увш хун тайджийн туужид гарах түүхэн хүн, он цагийг

- судалсан тухай // *Studia Mongolica*. Т. VI (14), fasc. 1-18. С. 94-101.
13. Русско-монгольские отношения. 1607-1636. М., 1959.
14. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.
15. Сарин герл. Хальмг литературин дурсхлмуд (XIII-XX зун жилмүдин эклц). Орчулснь Бадмин Андрей. Элст, 1991.
16. Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, перевод, введение и примечания Н.П. Шастиной. М.-Л., 1957.
17. Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. Т. VI. М.-Л., 1949. С. 383-395.
18. Kämpfe H.-R. Das Asarayçi nereto-yin teüke des Byamba Erke Daiçing alias Šamba Jasap (eine mongolische Chronik des 17. Jahrhunderts). Wiesbaden, 1983.
19. Miyawaki J. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // *Journal de la Sociätä Finno-Ougrienne*. Vol. 83 (Helsinki, 1991).
20. Miyawaki J. The Khalkha-Oyirad Rivalry in the Seventeenth Century // *Proceeding of the International Conference on China Border Area Subjects*, April 25, 1985. Taipei, 1985.
21. Okada H. Outer Mongolia in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 5 (Tokyo, 1972).
22. Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Th. 1. SPb., 1776.